

СТАРИК СУВОРИН

Оригинал здесь: [Новое литературное обозрение](#).

Невнимательны мы, люди-человеки, к ходу времен и срокам. Живешь-живешь, да вдруг и доживаешь до чего-нибудь такого, что само по себе нисколько не внезапно и должно было быть ожидаемо в порядке вещей, -- ан вот наступил ему срок исполниться, и стоишь в изумлении:

-- Вот тебе раз! Как так? Уже? Может ли быть, чтобы уже? Не ошибка ли? Просто невероятно!

Увы! быстрым летом свершаются времена, и в них, как тати ночные, неслышно подкрадываются сроки.

Столетие Алексея Сергеевича Суворина! Нет, вы подумайте!

Доживи Алексей Сергеевич до нынешней осени... Невероятного в этом допущении ничего нет: сейчас и в политике, и в литературе немало девяностолетних старцев, а расстояние от девяности до ста не так уж далеко, -- почему не допустить и столетней живучести?.. Так, говорю я, доживи он до сегодня, то соединил бы наш век с пушкинским веком: ему было три года, когда Пушкина сразила пуля Дантеса; семь лет, когда от пули Мартынова погиб Лермонтов; смерть Белинского он пережил уже сознательным отроком, кадетом Михайловского корпуса в Воронеже; а смерть Гоголя -- восемнадцатилетним юношею, юнкером Дворянского полка, не по званию и не по возрасту начитанным и литературным, усердным сочинителем "Словаря замечательных людей", пылким театралом и уже автором самостоятельных драматических попыток.

Вот какие давние годы и с каким, значит, давним человеком мы имеем дело! И, однако, что хотите, не могу я вообразить себе Алексея Сергеевича ни давним -- аж до современности и с Пушкиным, Лермонтовым, Белинским и Гоголем, ни вообще столетним старцем. Правда, и молодым его я тоже не воображаю, потому что зазнал его поздно, когда ему всероссийское имя было "старик Суворин", а возрастом он близился к седьмому десятку. Ему шло быть пожилым и седым. Но кто же дал бы ему тогда его годы?

Да и вообще, не располагал он к тому, повода не давал, чтобы учитывать его возраст. "Старик Суворин" -- и баста. А какой старик -- шестидесятилетний, семидесятилетний, -- не все ли равно, раз он неизменяемый, прочный, вечный? Подобно тому, как мы не замечаем течения времени, пока его поток не набегит на порог какого-нибудь свершения, так точно не примечалось старение "старика Суворина", пока на его пути не обозначилась вежа смертельной болезни, указавшая ему поворот к могильному холму.

Алексей Сергеевич скончался (11 августа 1912 г.) семидесяти восьми лет от роду. Но кто -- не скажу уже из его товарищей и сверстников, но и из нас, его учеников или его младших сотрудников, даже из его сыновей, а может быть, и внуков, -- был моложе его пылкою душою и хватким умом? ненасытно жадным вниманием к живой жизни, способностью и привычкою гореть интересом к ее повседневной текучести? охотою отмечать все ее извивы, уклоны и сбои откликами, соединявшими в себе мудрость многообразного жизненного опыта и обширных познаний с юношески пламенной страстностью? откликами незабвенных "Маленьких писем"?

"Давним" вообразить "старика Суворина" я не могу потому, что, вопреки хронологическим данным, он никогда не принадлежал прошлому, а всегда был -- выразительно и вполне -- человеком настоящего. В прошлое, притом всегда очень отдаленное, он совершал только эстетические экскурсии, как любитель истории, психолог, драматург. Жизнь же его была вся -- в современности. В каждом моменте своего бытия Суворин служил или громким глашатаем, или точным эхом русской общественной действительности, поборником или противоборцем ее запросов. Был, если позволено будет мне выразиться так тавтологически, современнейшим из современников своей современности.

Значит ли это, что он гнался и ухаживал за современностью, старался ей угодить, потрафлял на нее? Нет. Эту старую песню его многочисленных врагов давно пора забыть. Его современность не была плодом искусственной выделки, он не наиграл ее в профессиональной привычке практика-журналиста. Наигранность, ремесленное письмо, неискренность огорчали и возмущали его в сотрудниках-учениках, не допускал он до грехов искусственности и себя самого. Мог писать, исходя из ошибочной точки зрения, мог, капризно запутавшись в силлогизмах, прийти к ложному выводу и затем отстаивать его с усердием, достойным лучшего применения. Но никогда не писал того, чего в данный момент не думал, во что не верил как в дельное, необходимо потребное в условиях современности. И никогда не упорствовал сознаться в ошибке, обстоятельно ему доказанной.